Блесна

Денис Бобкин

SHOUT
SHARE
IT

- Денис Бобкин

Денис Бобкин
БЛЕСНА

От станции вглубь леса вела асфальтированная дорожка, вдоль которой через каждые двадцать–тридцать метров стояли ржавые фонари с разбитыми плафонами. Глядя на них, я почему–то вспомнил притчу о том, как ученик приставал к мастеру дзен с бесконечными вопросами. И в конце концов мастер сказал ему: «Твой путь к Истине не может быть освещен кем–то другим. Ты хочешь взять взаймы мой фонарь. Я же хочу научить тебя, как сделать свой собственный».

Пока я безуспешно пытался вспомнить, где я прочитал эту притчу и кто ее автор, дорожка слилась с бетонированным шоссе, которое метров через сорок уперлось в зеленые металлические ворота, украшенные якорями и звездами. С якорями все было нормально, но вот приваренные к металлическим листам звезды почему–то оказались синего цвета. На проходной я предъявил направление в часть и новенькое офицерское удостоверение небритому, с недобрым взглядом мичману. Его засаленная форменная куртка внезапно вызвала у меня сомнения. Пока мичман вполголоса переговаривался с кем–то по телефону, в голове пронесся целый вихрь мыслей. Я и раньше почти не сомневался, что начальник курса — малодушная сволочь и это его распределение на суперсекретный объект, на который не смогли прорваться даже генеральские сынки, окажется чем–то жутко обыденным и отвратительным. Тем более трудно было поверить, что есть еще в нашей военно–бюрократической системе такие объекты, на которые нельзя прорваться ни за деньги, ни по блату. Но отступать было поздно.

— Добро пожаловать на 32-ю базу тыла ВМФ, товарищ лейтенант, — прохрипел мичман, складывая мои документы в большой бумажный желтый пакет. Взамен он выдал мне похожий на театральный номерок с цифрой восемь и сказал, что вестовой проводит меня до штаба.

До штаба несколько сотен метров мы шли вдоль желтой линии, нарисованной на огромном плацу, и пересекли ее прямо перед самим зданием.

Штаб напоминал жилой корпус пионерского лагеря — зеленое, сколоченное из досок строение барачного типа. Доведя меня до дерматиновой двери без таблички, вестовой, ни слова не говоря, вяло поплелся назад. Я постучал и, не дожидаясь ответа, потянул тяжелую дверь на себя. Дальше все вышло как–то

автоматически. Сделав несколько строевых шагов, я подошел к замершему посреди комнаты (похоже, он знал, что я войду именно в этот момент) человеку в черной морской форме и доложил: «Товарищ капитан второго ранга, представляюсь по случаю прибытия к новому месту службы, лейтенант Жеребов».

— Поздравляю с прибытием, Сергей, — сказал капитан второго ранга, приглашая жестом сесть. — И еще, давай сразу договоримся: зови меня просто — Марат Аидович, а при начальстве можно товарищ старший помощник.

Сидя в кожаном кресле, я осознал, насколько внутренняя отделка помещения отличается от внешнего вида штаба. Кабинет старшего помощника походил на каюту капитана Немо. Стены и потолок отделаны деревом, по левой стороне вместо окон — декоративные иллюминаторы–аквариумы, в каждом из которых плавали экзотические тропические рыбы. О связи с вооруженными силами напоминали лишь три фотографии в рамках на стене. На первой, которая висела прямо над столом Марата Аидовича, был изображен молодой человек в солдатской форме времен Великой Отечественной войны с одинокой медалью на груди. На двух других, справа и слева от солдата, красовались Путин и Медведев в форме подводников. Вероятно, снимки сделаны во время предвыборных пиар–компаний этих меняющих друг друга главнокомандующих.

Марат Аидович достал бутылку рома и два стакана.

— Ну, рассказывай Сергей, что они тебе говорили про нашу часть в твоем космическом институте, — сказал он, заполнив до краев граненые стаканы.

— Говорили, что секретная часть рядом с Москвой, работа практически по моей специальности. Платят специальные надбавки. Но мне кажется, они про вашу часть и сами толком ничего не знают.

— Так и есть, — сказал Марат Аидович и выпил сразу полстакана рома, что никак не увязывалось с его интеллигентной внешностью.

— Послушай, что я тебе скажу, Сергей, — продолжил Марат Аидович. У каждого человека есть право выбора, и принуждать служить у нас тебя никто не будет. Но скажу прямо, ты нам подходишь. Мы за тобой давно наблюдаем и основную проверку ты прошел еще на пятом курсе, когда подрабатывал в том пидорском баре официантом.

Я понял, что эти люди в морской форме знают обо мне если не все, то очень многое. Внимательные глаза сидящего напротив меня старпома как бы подтверждали мое неприятное открытие.

— Теперь по условиям, — неожиданно повеселев, сказал

Марат Аидович. — Телеметрией космического пространства в прямом смысле на этой должности заниматься тебе не придется. Мы предлагаем тебе оклад в 20 раз больше средней лейтенантской зарплаты с перечислением средств в надежный швейцарский банк, а также бонус после окончания контракта. Если с ним грамотно поступить, должно хватить на долгие годы.

Видимо, я побледнел, потому что Марат Аидович, резко встав, панибратски хлопнул меня по плечу и прошептал в самое ухо:

— Да ты не волнуйся, никакой опасности для твоей жизни не будет, да и убивать никого не придется. Служба у нас хоть и специфическая, но интересная. Так что считай, что тебе крупно повезло.

— А можно поконкретнее узнать, что делать надо будет? — спросил я, немного придя в себя и отпив рома.

— Все детали только после подписания контракта, — ответил Марат Аидович. А вот, кстати, и наш главный штурман — Сергей Сергеевич, он и расскажет.

Обернувшись, я заметил, что прямо за моей спиной стоит молодой капитан–лейтенант.

Комната Сергея Сергеевича тоже напоминала каюту, но была гораздо меньше, чем у Марата Аидовича. Сразу было видно, что он тут не только работает, но и живет.

— У тебя только два варианта выбора, — сказал Сергей Сергеевич, — глядя поверх очков. У него был очень холодный взгляд, в сочетании с ранней сединой на висках это предавало ему слегка демонический вид.

— Если отказываешься — даешь подписку о неразглашении и едешь на Новую Землю любить Родину, если соглашаешься — даешь подписку о неразглашении и добро пожаловать на борт! — сказал Сергей Сергеевич и неприятно засмеялся.

— Согласен, — неожиданно для себя ответил я. — Что подписывать–то надо?

— С этим не торопись, время до утра у тебя есть, — сказал Сергей Сергеевич. — Даже если согласен, ответ дашь только утром — такая традиция.

Спустя две минуты морской пехотинец проводил меня в небольшую комнату в подвале, которая напоминала привокзальное кафе. На ужин мне дали макароны по–флотски, салат из морской капусты и чуть теплый чай. Пока я ел, морпех за соседним столом молча разгадывал кроссворд из «Красной звезды». После ужина он проводил меня по подвальному коридору в небольшой кубрик, в котором стояло шесть двухъярусных солдатских кроватей, несколько тумбочек и

телевизор. Морпех показал мне, что соседняя дверь ведет в душ с туалетом, продемонстрировал, как включается свет и где лежит пульт от телевизора. После этого он попросил меня никуда не отлучаться до утра и пожелал спокойной ночи.

Оставшись один, я понял, что очень устал, и повалился на ближайшую кровать. Полежав немного, ради интереса открыл соседнюю тумбочку. Помимо обмылка в ней нашелся потрепанный томик Шопенгауэра «Мир как воля и представление». В книге лежала закладка, сделанная из фантика от конфеты «Арктика». В середине страницы несколько строк были подчеркнуты карандашом. Перед тем как провалиться в сон я прочитал: «*…Поэтому мы со своим интеллектом как орудием воли везде наталкиваемся на неразрешимые проблемы в стенах собственной темницы. Кроме того, можно допустить, по крайней мере гипотетически, что на эти вопросы невозможен ответ ни для какого познания вообще, то есть никогда и нигде; что эти отношения непостижимы не только условно, но и абсолютно; что их не только никто не знает, но они сами по себе непознаваемы и вообще не входят в формы познания*».

***

Меня разбудила песня. Бодрый мужской голос с надрывом пел: «Прощайте, красотки, прощай, небосвод. Подводная лодка уходит под лед». Так как окон в комнате не было, я не сразу понял, где нахожусь и что уже наступило утро. Также меня насторожило, что я не мог вспомнить, как я раздевался вчера. Вроде бы заснул прямо с книгой в руках.

Свет в комнате зажегся, и вчерашний морпех поздравил меня с добрым утром.

— Вот, примерьте, должно подойти, — сказал он, зацепив за спинку соседней кровати вешалку с черной морской формой.

Я обнаружил, что моя старая форма пропала, а все, что было в карманах — расческа, носовой платок, бумажник, использованный билет на электричку и номерок с цифрой восемь, — аккуратно лежало на тумбочке. Новая форма и ботинки оказались как раз моего размера. Как только я умылся, мой знакомый морпех зашел опять и пригласил меня завтракать.

Выйдя на улицу, я сощурился от летнего утреннего солнца. Завтрак был накрыт в беседке, где расположились Марат Аидович, Сергей Сергеевич и неизвестный мне капитан третьего ранга с очень красным лицом.

— Познакомься, Сергей, — сказал Марат Аидович,

здороваясь. — Это Иван Иванович. Ты, наверное, слышал, что на западных подводных лодках есть капелланы, а на наших — политработники. Иван Иванович совмещает обе эти должности в нашей команде.

Иван Иванович — красномордый капитан третьего ранга — сказал, что перед подписанием особых условий контракта он должен прочитать мне краткую лекцию о современной обстановке.

— Сегодня подавляющей части нашего народа приходится каждый день созерцать картину внутреннего гниения общества, сказал он. — С одной стороны, люди стали жить лучше, чем, скажем, десять лет назад, но с другой — сегодня над Россией довлеет обстановка вечного страха и неуверенности за собственную жизнь. Наш народ не только подсознательно боится рецидивов прошлого, но и с опаской смотрит в будущее. Оно все больше представляется нашему коллективному разуму в виде окончательной бездны. Не обошлось тут, конечно, и без происков врагов, которые умело пытаются выбить ментальную почву из–под фундамента российской государственности.

— Один поэт выразил это следующими словами, — подключился к лекции Сергей Сергеевич. — «Под нашими ногами клочок земли стремительно тает под напором мочи».

— Как–то так, — задумчиво подтвердил Иван Иванович и продолжил: — Ты, наверное, слышал, Серега, что был такой ученый Карл Густав Юнг. Однажды он случайно заметил, что многим пациентам психиатрических клиник снятся одинаковые сны. На основе этого наблюдения было открыто коллективное бессознательное. Так вот, именно в глубины этого подсознательного и погружаются военнослужащие нашей части, которую, кстати, мы зовем подлодкой. И поверь, это не только метафора.

После подписания контракта Марат Аидович пожал мне руку и вручил офицерский кортик, попросив вытащить его из ножен. На лезвии были выгравированы латинские буквы.

— Что дозволено Юпитеру, не позволено быку, — пояснил их значение Иван Иванович. — Ты у нас теперь вроде как в команде Юпитера.

***

Лето выдалось аномально жарким, и заняться мне было практически нечем. По словам Сергея Сергеевича, первое погружение должно было состояться не раньше конца августа.

Целыми днями я валялся в своей офицерской каюте, смотрел телевизор или блуждал по бескрайним просторам Рунета. Дни тянулись чудовищно медленно. Вскоре Марат Аидович уехал в отпуск, а Сергей Сергеевич практически все свое время проводил на втором подземном уровне нашей части, в который у меня пока не имелось допуска. Единственный человек, с которым я общался каждый день, был наш замполит Иван Иванович.

Обычно он заходил за мной около пяти вечера, и мы ходили гулять вдоль забора части. Каждый раз он начинал разговор с обсуждения событий в стране и мире. По его просьбе я смотрел ежедневные новости и делился с ним своим мнением обо всех ключевых событиях. Сам Иван Иванович держался в разговоре предельно просто и никогда не скупился на красное словцо. «Педераст мебельный или «говноед из ранних питерских» были его любимыми выражениями в адрес высокого начальства из Министерства обороны, которое иногда мелькало в новостях.

За обсуждением политобстановки мы успевали дойти до ларька у проходной, где брали по бутылке теплого пива, которое пили, сидя на трубе у пожарного водоема. Иван Иванович часто рассказывал мне смешные случаи из своей флотской службы. Половина этих историй строилась вокруг его любимого слова «отпетрушить».

Как–то раз, когда Иван Иванович был в особенно приподнятом настроении, я осторожно попытался расспросить его поподробнее о предстоящем погружении.

Гладя в темные воды пруда, он сказал мне, что работа коллективной психики российского народа напоминает принцип двух сообщающихся сосудов. Психическая энергия в одном сосуде создает отрицательный потенциал, в другом — симметричный. Один из этих сосудов можно назвать обыденным уровнем мышления, а другой — бессознательным. После того как люди сосредоточивают интерес на конкретных вещах, их коллективный абстрактный разум истощается, а мы, россияне (это слово он всегда произносил с издевкой), испытываем эмоциональный голод. Активность высших слоев психики сменяется активностью бессознательного.

— Секретов у меня от тебя нет, Серега, — сказал он. — Твоей задачей будет погружение в самые древние, архаичные слои психики. Ты будешь нашими глазами и ушами в самом сердце русской национальной души.

Я поинтересовался, как именно я буду туда попадать.

— Об этом не беспокойся, — сказал он, — у нас есть спецтехника, позволяющая ввергать человека в состояние глубокого осознанного сновидения. Никаких психотропных

средств мы не применяем, поэтому опасности для твоего физического здоровья нет.

— А для чего все это нужно? — спросил я.

— Мы подошли с тобой к самому главному вопросу, — ответил замполит, погрустнев, — грубо говоря, твоя работа нужна, чтобы котел под названием «русская национальная душа» не взорвался. Когда мы получаем сигнал, что в сосуде бессознательного возникает излишнее давление, путем специальных мер в телеэфире создается разряжение в сосуде обыденного сознания и избыточная энергия перетекает туда. Но тебе я советую об этом не думать. Думай лучше о том, что с бонусом делать будешь через пять лет. За миллион долларов можно практически любую мечту воплотить в жизнь. Другим офицерам — твоим ровесникам такие возможности даже и не снились.

— Да, но вы ведь говорили, что сосуды сообщающиеся, зачем тогда?..

— Так–то оно так, но уже скоро будет лет двадцать, как на соединяющий сосуд в Кремле краник поставили. Так что теперь судьба России будет в твоих руках. Я говорю это в прямом, а не в переносном смысле слова.

От объяснений Иван Ивановича мне сделалось тоскливо. Еще недавно я представлял свое будущее совсем другим, и сколько ни пытался думать о миллионе долларов, ничего, кроме идеи купить золотой «Мерседес» и врезаться на полном ходу в придорожный столб, в голову не приходило.

Примерно через неделю в обед Иван Иванович впервые пригласил меня к себе в каюту. Он намекнул, что предстоит обсуждение очень важного вопроса — нравственной темы.

— Скоро у тебя первое погружение, сказал Иван Иванович, пока я оглядывал его каюту. — Не хочу, чтоб ты потом думал, что работаешь лохом, таскающим для дядей каштаны из огня.

— Работать ты будешь на Родину, хотя может показаться, что результатами твоего труда в первую очередь будут пользоваться всякие бляди–вырожденцы типа олигархов или андроидов из «Единой России». Кстати, о блядях. Сегодня Аидович возвращается из отпуска, и у нас есть для него хорошая новость. Утром получили шифрограмму, что нашего прежнего командира наконец–то комиссовали в госпитале, и Аидович у нас теперь не старпом, а полноценный командир отдельной глубинной боевой ментальной единицы.

Иван Иванович коротко рассказал о планах на вечер. По традиции обмывать очередное воинское звание предстоит в сауне, где соберется весь офицерский состав части. Иван Иванович

показал мне распечатку интернет–анкет трех «Русалок». Сразу было видно, что это провинциальные студентки, подрабатывающие вечерами проституцией, которая теперь называется консьерж–услуги. Глядя на эти фотки, я вспомнил его слово «отпетрушить».

Ровно в 23.00 я спустился в офицерскую сауну. Несмотря на то, что я пришел вовремя, веселье было уже в полном разгаре, стало понятно, что я что–то пропустил. Полуголый Сергей Сергеевич, сидя на табуретке, осатанело играл на восточном инструменте, похожем на балалайку и распевал частушки.

Как с Аидычем Маратом трахали мы акробатов.

Как, зачем и почему –

Я, друзья, вам не скажу!

Марат Аидович и Иван Иванович с одобрением смотрели на эту самодеятельность и о чем–то тихо переговаривались.

— Ну что, Сергей, садись, давай выпьем за нашего командира, — подозвал меня Иван Иванович, наливая из самовара целую кружку мутной жидкости. Заметив, что я с недоверием принюхиваюсь к содержимому кружки, он сказал:

— Да ты не дрейфь. Это «Белое море» — водка с лучшим в мире порошком.

— Я бы сказал, с волшебным порошком, — добавил Аидович и неожиданно залихватски захохотал. — Раньше салабонам давали пить забортную соленую воду. «Белое море» — хороший заменитель. Когда ты погрузишься в пучину бессознательного, Серега, твой путь будет освещать наш прожектор, — сказал он воодушевленно, указывая на штурмана, который тем временем перешел от песен к каким–то вудуистическим танцам. — Им, кстати, у нас управляет Сергей Сергеевич, так вот, при погружении тебе может показаться, что прожектор будет выхватывать из темноты самых чудовищных и отвратительных монстров, которых ты даже и представить не можешь. Но ты всегда должен помнить, что прожектор не создает чудовищ. Это просто свет, который помогает осознать их присутствие — это первое и единственное правило ментального подводника.

В чем именно заключается правило и каков его смысл, я не понял. У меня сохранились довольно странные воспоминания об этом вечере. Помню, что когда мы купались в джакузи, в котором плавали живые рыбы, мне стало страшно обидно, что «русалки» достались всем, кроме меня. «Вот ведь, на блядях экономят», — подумал тогда я. Потом Иван Иванович долго рассказывал, что я ему как сын родной.

— Я ведь, как и ты, детдомовец — ни единой родной души на белом свете, вещал он, рыдая. Воспоминания обрывались на

моменте, когда мы лежали в мокрой от утренней росы траве и играли на неправдоподобно длинных тубах.

***

На следующий день Иван Иванович сухо, как будто с какой–то обидой, объявил мне, что до погружения осталось всего тринадцать дней и надо провести это время с максимальной пользой.

Подготовка была довольно странной. Каждый день с десяти до двенадцати утра я приходил в кабинет Сергея Сергеевича, он надевал мне на голову какие–то датчики на присосках и мы садились играть в шахматы.

— Для настройки аппаратуры нужно максимально точно просчитать твое ментальное поле, — сказал Сергей Сергеевич, прилепляя к моей голове присоски. Мне казалось, что я неплохой шахматист — трижды выигрывал чемпионат по шахматам среди военных учебных заведений Ленинградского военного округа, но главный штурман оказался гораздо более сильным и опытным игроком. Меня поражало, что он играл как–то слишком легко, будто заранее разгадывал все мои комбинации. Кроме того, все наши поединки заканчивались ровно в двенадцать часов. После обеда я ложился в похожий на футляр макет боевого отсека для погружений и слушал аудиокниги, которые ставил мне Сергей Сергеевич. Больше всего мне нравилось «Похождение бравого солдата Швейка».

Две недели прошли быстро, и наступил день, когда мне предстояло спуститься в пучины бессознательного. Технически погружение прошло совершенно буднично. В этот день я по просьбе Сергея Сергеевича не ходил на завтрак и потому поспал на полчаса дольше. Ровно в десять мы спустились на самый нижний уровень бункера, где я еще не бывал. Сергей Сергеевич обильно смазал мою грудь, кисти и виски какой–то липкой холодной гадостью и натренированным движением прилепил к телу присоски с проводами. По форме отсек был точь–в–точь как тренировочный, только сделан не из пластика, а из черного дерева. Наконец–то я понял, почему в тренировочном отсеке было так неудобно лежать — через полчаса сильно затекала спина. Его сделали по образцу этого древнего саркофага.

Сергей Сергеевич, как мне показалось, гораздо сильнее, чем на тренировках, зафиксировал ремнями мои голову и конечности. Перед тем как закрыть крышку, он с серьезным лицом посоветовал мне забыть все байки Иван Ивановича.

— Думаю, ты и так понял, что подразделение у нас разведывательное и к ментальной пропаганде мы отношения не имеем, — сказал он. — Часть Ивановича по секретному приложению к договору о СНВ ликвидировали. Вот он все бредит о духовном возрождении. Впрочем, сейчас все сам увидишь.

Когда он закрыл крышку и я погрузился в кромешную тьму, мне показалось, что время абсолютно остановилось. Но вот прозвучал бодрый голос главного штурмана: «Готовность номер один!».

— К погружению готов, — ответил я и в ту же секунду потерял контроль над телом. Как и говорил Сергеич, боевое погружение сильно отличалось от учебных.

Меня как будто раскручивало в центрифуге. Затем перед глазами поплыли фиолетовые круги. Всмотревшись в один из них, я различил в полутьме тянущиеся друг к другу две еле различимые человеческие фигуры. Когда они переплелись в единое целое, в центре этого целого образовалась черная воронка, в которую меня засосало вместе с саркофагом, бункером и всем остальным миром.

Дальнейшие впечатления о погружении описать трудно, так как просто невозможно подобрать слова. Пространство и время потеряли всякое значение. Единственное, что я могу передать, — помню, у меня появилось ощущение, будто я в детстве бегу босиком по очень мягкой и теплой зеленой лужайке, затем это ощущение стало прерываться чем–то похожим на чувство, которое возникает, когда зимой переходишь по смычке из вагона в вагон несущегося на полном ходу поезда. Очень шумно, холодно и темно. Неприятные ощущения усиливались, пока прямо в центре моей головы не прозвучал голос главного штурмана: «Дно! Раз, два».

Через секунду мне привиделось, что стою посреди залитой солнцем бетонной пустыни. Марат Аидович говорил, что надо готовиться к всевозможным кошмарам, из которых, собственно, и состоят глубинные пласты коллективного бессознательного, но такого я увидеть не ожидал. Прямо и до конца горизонта тянулась полоса асфальта шириной метров шестьдесят. По левому краю от этой полосы простирался исполинский бетонный забор высотой не менее двадцати метров. Кое–где в заборе виднелись пробоины. По правой стороне за мертвыми, без единого листика, деревьями торчали полуразрушенные типовые многоэтажки.

При всей абсурдности пейзажа происходящее мало походило на сон. Казалось, все вокруг было абсолютно реалистичным. Я попытался прислушаться к ощущениям своего тела. Помню,

явственно ощущал свинцовую тяжесть в ногах и острую боль в правом предребье. Посмотрев на руки, я понял, что, несмотря на жару, на мне была куртка и перчатки, покрытые каким–то странным чешуйчатым материалом. «Нужно попробовать пройтись», — подумал я и двинулся в сторону самого большого пролома в бетонной стене. Не успел я пройти и десяти метров, как за спиной раздался пронзительный крик.

— Стой! Куда!

Я обернулся и увидел кричащего. Это был одетый в странную военную форму человек с изможденным и испуганным лицом. Приглядевшись, я обратил внимание, что он стоит под искаженным указателем «Минское шоссе, 6». Я сразу понял, почему ландшафт показался мне знакомым: бетонная полоса — это остатки Московской кольцевой автодороги.

— Совсем перегрелся или жмурам компанию решил составить, — сказал человек уставшим голосом. Я не знал, что ответить и уже собирался спросить незнакомца, где я нахожусь, как внезапно в моей голове раздался резкий звон, от которого я чуть не потерял сознание. Вслед за звоном заговорил голос.

— Говорит капитан–лейтенант Лотько, скажи этому ландуху, что все нормально. Больше ничего не говори. Иди в его сторону.

Мне очень сильно захотелось проснуться, но вместо этого я опять посмотрел в сторону пролома. Компостные кучи у краев огромной дыры оказались грудой полуистлевших человеческих тел. И как я раньше этого не заметил. На полусогнутых ногах я двинулся к военному в чешуйчатой форме.

— Ты как, нормально? Ефремов на мину наступил сегодня. Его антидоты мне перепали, может тебе вколоть? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой. От жары или, может быть, от абсурдности всего происходящего у меня все поплыло перед глазами. Пытаясь сдержать рвоту, я сосредоточился на буквах, вышитых у незнакомца над грудным карманом нелепой форменной куртки. «2-я отдельная ядерная артиллерийская бригада», — прочитал я, садясь на корточки, и потерял сознание.

— Внимание, аварийное всплытие! — раздался в моей голове бодрый и отчетливый голос Сергея Сергеевича.

В то же мгновение я открыл глаза и увидел лицо склонившегося надо мной Ивана Ивановича.

— Давление в норме, пульс почти в норме, энцефалограмма без явных патологий, — раздавался где–то чуть в стороне все такой же бодрый голос Сергея Сергеевича.

— Добро пожаловать назад, — сказал Иван Иванович, продолжая внимательно глядеть мне в глаза. Вдвоем с Сергеем Сергеевичем они помогли мне вылезти из боевого отсека,

посадили в кресло на колесиках и отвезли в комнату по соседству, похожую на больничную палату. Я заснул сразу же, как только голова коснулась подушки.

***

Проснувшись, я увидел сидящих на стульях перед моей кроватью двух врачей. У одного из них под халатом были армейские брюки с генеральскими лампасами.

— С боевым крещением тебя, сынок, — сказал доктор–генерал. — Надеюсь, тебе не понравился мир Б-1, в которым ты побывал.

Потом коллега генерала показал мне несколько листов с нарисованными цифрами разных цветов и размеров, прося указывать пальцем на меньшую или большую из них по значению.

— И так понятно, что с головой у него все в порядке. — Прервал тесты генерал. — Не знаю, что тут тебе Аидович на уши навешал, — сказал он, — но я тебе, сынок, всю правду сразу скажу. У меня на то допуск особый есть… Мир, в котором ты был, по–военному называется «параллельная реальность Б-1». Мы тебя еще в училище изначально отобрали в отряд ментальных подводников именно потому, что ты существуешь в этом самом мире Б-1. А в нем, поверь мне, далеко не все существуют, так как народу там гораздо меньше, чем в нашем.

Чтобы объяснить тебе всю, так сказать, суть этой параллельной чертовщины, я сразу перейду к самому главному моменту — краеугольному камню. Понимаю, что звучит банально, но в мире идет борьба двух сил. Не буду называть их добром и злом, так как «Ночной дозор» я сам смотрел и даже понравилось. Назовем эти силы патриотами и либералами. Буду очень краток. В 1963 году случился кризис, известный в учебниках как карибский. Противостояние между враждующими сторонами достигло такого накала, что наша реальность не выдержала и распалась на три части, которые хотя и связаны между собой, существуют теперь сами по себе. Мы с тобой находимся в серединной реальности Б-2. Как истинный русский реалист я называю ее просто «реальность», чего и тебе советую.

После этой преамбулы мы перешли в беседку обедать. Хотя рассказ генерала о борьбе и единстве противоречий очень походил на бред, я воспринял его спокойно.

— Ты сам посуди, — говорил генерал, закусывая огурцом. — Вот, к примеру, Путин — истинный патриот и защитник земли и нефти русской, а на всех ключевых постах командуют у него

либералы — министр финансов Кудрин, Сурков и другие либерасты. Он даже президентом вместо себя либерала работать назначил. А дело тут в том, что противоречия либералов и патриотов не имеют ничего общего с политическими платформами, о которых в Интернете пишут. Понимаешь, о чем я? Вот, к примеру, возьмем западный опыт. Их патриоты по–другому называются: в США это республиканцы, а в масонской Британии — консерваторы. История показывает, что последние пятьдесят лет на Западе патриоты и либералы постоянно меняют друг друга у власти, но на практике дело обстоит совсем по–другому. После начала холодной войны ихним либералам ни разу не удавалось одержать верх над патриотами.

Просто патриоты начали глобальную политическую индоктринацию, которую теперь в современных изданиях называют «Проект «общество потребления». Многие интеллигенты–пейсатели пишут, что это был асимметричный ответ на пропаганду СССР идей Ленина и Маркса. Однако, сам понимаешь, брехня это все. Консюмеризм — это новая форма старого доброго рабства. Ну нельзя, понимаешь, давать свободу народной воле. И это вовсе не потому, что мы, патриоты, такие сволочи — хотим, чтобы люди в вечной кабале жили. Коллективная свобода рождает чудовищные ситуации. Кое–что ты и сам видел. В мире Б-1 победу одержали истинные либерасты. И к чему это привело? Развал страны, междоусобные войны с применением тактического ядерного оружия, уничтожение здравоохранения, системы образования. Короче, каменный век.

Уходя, генерал сказал мне, что лучший способ убедиться в правоте патриотических идей — отправиться в мир Б-3, где я тоже существую.

Через две недели мне представилась такая возможность.

За день до нового погружения Иван Иванович рассказал мне, что в реальности Б-3 наш народ тихо и спокойно живет себе в соответствии со своей природой и естественными наклонностями.

— Никакие выродки там в народную душу не срут, так что можешь погружаться с легким сердцем, — сказал он мне и пожелал спокойной ночи.

***

Второе погружение началось примерно так же, как и первое. Только в этот раз, перед тем как меня засосало в черную воронку, я отчетливо видел в темноте летающую по спирали огромную птицу, или, может, это была летучая мышь. В момент, когда мне

показалось, что я и есть это крылатое существо, в голове прозвучал голос Сергея Сергеевича: «Дно!».

По–видимому, я ехал в вагоне поезда. За окном проплывал типичный среднерусский пейзаж. Напротив меня сидел человек. Его лицо закрывала раскрытая газета. Я принялся смотреть в окно, стараясь свыкнуться с новой обстановкой. Лес оборвался, и на пригорке уходящего за горизонт поля появились силуэты каких–то крупных животных.

— Это мамонты, — сказал опустивший газету человек. Он оказался лысым бородачом с недобрыми воспаленными глазами. — Только в прошлом году правительство потратило на их клонирование больше шестидесяти миллиардов долларов. Хватило бы на шесть бригад новейших андроидов.

Слезящиеся красноватые глаза моего попутчика неприятно, как бы оценивающе, смотрели на меня в упор. Я думал, что бы такого нейтрального ответить на тему разведения мамонтов, но ничего в голову не приходило.

— Повтори, так зачем ты едешь в Иваново? — опять заговорил мой странный собеседник.

— В командировку, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Я так и подумал. С тех пор, как духовную столицу перенесли в Иваново, все командиры стремятся туда для воссоединения с роком.

Рядом со мной сидела молодящаяся, но уже далеко не первой свежести дама.

— Вы знаете, — сказала она, повернувшись ко мне, — мы с мужем тоже вложились в это благое дело — возрождение сибирского мамонта. — Когда муж вошел в Директорат объединенной российской монополии, у нашей семьи появились очень большие возможности. Но только неограниченная свобода дарит как абсолютное счастье, так и опустошающее одиночество. Участие в проекте по созданию бренда России — Родина слонов — снова помогло мне испытать, что такое счастье. В проекте работало так много молодежи!

От этой нелепой речи я вдруг остро почувствовал чужеродность своего тела. Руки и ноги стали как деревянные.

— Не ссы в компот, там повар ноги моет, — прозвучал в моей голове голос Сергея Сергеевича. — Выйди в тамбур — полегчает.

Я встал и уже потянулся к двери купе, как бородач опять заговорил со мной.

— А ведь вы с фронта… Должно быть после ранения. Как раз сейчас читал статью про венгерский газовый клин. Да, несладко там нашим трубоохранным войскам пришлось. Так что применение химического оружия против этих выродков вполне

оправдано. Я молча кивнул и вышел.

Зайдя в туалет, я увидел в зеркале человека, очень похожего на меня, но с каким–то более одухотворенным лицом. Возможно, этот эффект достигался благодаря элегантному форменному пиджаку с узкими лацканами, на одном из которых блестела серебром эмблема — раскинувший крылья над трубой с вентилем орел. Пребывание в мире Б-3 сопровождалось каким–то неприятным головокружением и чувством скованности. Как будто прочитав мои мысли, Сергей Сергеевич снова заговорил в моей голове.

— Прими желтенькую и все пройдет. В нагрудном кармане в тубусе.

Последовав совету, я достал небольшой чехол для сигар и высыпал его содержимое на ладонь. Из пяти маленьких таблеток только одна оказалась желтой. На вкус она была как холодок.

Умывшись и расчесав волосы руками, я вышел в тамбур. Через приоткрытую дверь купе было слышно, как мои соседи о чем–то спорят.

— А я вам повторяю, что строительством бренда мы можем достигнуть гораздо большего, чем вашими броневитязями последней модели. Брендбилдинг помогает приобщить целевую аудиторию к нашим ценностям, отложенный эффект через пару лет превзойдет всю мощь андроидов. А скольких мальчиков мы могли бы сохранить, если бы изначально сделали ставку на имиджевую составляющую!

Было слышно, как ее собеседник тихо выругался и зашуршал газетой. Через минуту дама появилась в коридоре.

— Если бы вы знали, как я хотела стать женой офицера в молодости. — Сказала она с придыханием. Оказалось, что у нее влажные вампирические глаза, от которых очень трудно отвести взгляд.

Посмотрев в окно, я неожиданно ощутил действие «желтенькой». В наступающих сумерках деревья уже не просто бессмысленно пробегали мимо, а как бы извивались в загадочном и веселом танце, ритм которому придавал стук колес.

— Но в те времена профессия военного очень низко котировалась, — продолжала дама. — Питерские временщики поставили офицеров на одну ступень со швейцарами, и я вынуждена была выйти замуж за портфельного инвестора.

— Сейчас молодежь может выбрать сердцем, — сказал я, пытаясь поддержать беседу и с трудом сдерживая смех.

Она придвинулась ближе, и я почувствовал тонкий аромат духов.

— Позволю с вами не согласиться. В полутьме она казалась

гораздо моложе.

— Вот возьмем, к примеру, меня — 48 лет, два любовника в возрасте сына, неисчерпаемые знания в области государственного маркетинга, силиконовые груди и собственная арт–студия, но это не выбор моего сердца.

Я почувствовал надвигающую теплоту ее губ и одновременно услышал голос Сергеича: «Говорит Лотько. Время вышло, сейчас всплывать будем».

***

— Свеж, как огурец, — бодро произнес Сергеевич, похлопывая меня по щекам. — Вылезай, тебе генерал мотороллер подарил за успешное установление контакта.

В этот раз после погружения у меня не было ощущения сонливости и подавленности. Подойдя к беседке, я увидел, что между Маратом Аидовичем и Иваном Ивановичем сидит тот самый генерал, которого я видел после первого погружения. Только теперь вместо формы на нем был синий спортивный костюм и тапки на босу ногу.

— Ну привет, сказал он, вставая из–за стола и пожимая мне руку. — Карпов моя фамилия, кстати. Но ты просто генералом меня зови — все так зовут. Сгоняешь за пивком на скутере?

Мотороллер приятно урчал, и я осознал, что всегда хотел покататься именно на такой незамысловатой двухколесной машине. По пути обратно я позволил себе немного покружить по плацу. Я явственно испытывал чувство полета, возможно, это было лишь от того, что с двух сторон на руле скутера висели пакеты с пивом.

— Главное ты уже сделал, сказал генерал, разламывая огромную воблу. — Баба клюнула, и она выведет нас на нужных людей. Это просто вопрос времени.

Я старался не думать, кого нас и на каких именно людей выведет, а просто пил холодное пиво. Сергей Сергеевич, ловко разделывая клешни крабов, поведал мне основную методику работы в мире Б-З. По его словам, единственная проблема при общении с Верой — так звали мою знакомую из другой реальности — отсутствие некоторой информации.

— Ты ведь не знаешь, что в поезде с тем тобой было, когда ты тут всплыл? — спросил он. — А мы знаем.

Утром он принес мне несколько листков. Текст был похож на запись разговора, но только с пометками, обозначающими действия. От этого все изложение походило на сценарий

малобюджетного фильма.

—

КОРИДОР ВАГОНА. ПОЛУМРАК

ВЕРА, миловидная женщина лет 40, прильнула к капитану трубоохранных войск ИГОРЮ.

ВЕРА

(шепчет на ухо)

Если бы этого козла бородатого не было… И ведь с поезда сойти нельзя. Меня Володя в Иваново встречать будет.

Игорь берет Веру за талию и медленно увлекает вглубь коридора.

ИГОРЬ

В данных обстоятельствах позвольте предложить вам место, которое я бы никогда не осмелился предложить столь прекрасной даме.

ВЕРА

Ты говоришь такими штампами… Дурашек. Но я ничего не могу поделать. Верность в любви, как и последовательность и неизменность мыслей, — это попросту доказательство бессилия…

Вдвоем заходят в вотерклозет. Игорь закрывает дверь на защелку.

ТУАЛЕТ ПОЕЗДА. БЕЛЫЙ СВЕТ ЛЮМИНЕСЦЕНТНОЙ ЛАМПЫ

ВЕРА

Я не слишком страшна при таком ярком свете?

ИГОРЬ

Нет. Но сейчас я накажу тебя за то, что ты старше меня и я не смог тебя встретить, когда ты была юной.

Игорь разворачивает Веру лицом к умывальнику, наклоняет ее и стаскивает юбку.

ВЕРА

(постанывая)

Знаешь, я только недавно поняла, что всегда надо было выбирать красивых парней, чтоб хорошо трахали, и некрасивых, чтоб за меня платили.

—

Далее было еще две страницы текста с вполне точными описаниями всего того, что только можно проделать вдвоем в тесном туалете поезда. Видимо, автор весьма хорошо владел темой и смог описать все происходящее в очень емких и точных выражениях.

Почему–то мне стало очень неприятно, когда я узнал, что в том мире меня зовут Игорем.

— Да чего ты паришься, Серега, — попытался развеять мое беспокойство Сергей Сергеевич. — Какая разница, как твоего прототипа из Б-3 зовут. Ты, главное, не вздумай ему сочувствовать. А то на спецлекцию к Ивану Ивановичу пойдешь.

Кроме того, Сергей Сергеевич поведал, что если я буду выражать излишнюю эмоциональность, он каждый раз будет устраивать мне всплытия на самом интересном месте.

***

Время шло, и за два месяца я совершил больше сорока погружений в мир Б-2. Со временем мои пребывания становились все длиннее. И под конец я мог находиться в другой реальности около шести часов.

Практически все свободное от погружений время я тратил на изучение событий в моей параллельной жизни, которые произошли в мое отсутствие. Теперь мне приносили тексты, похожие на краткое содержание предыдущих серий мыльных опер в телепрограмме. Диалогами были выделены только самые важные места.

Иногда по вечерам ко мне заходил Иван Иванович. Он был в курсе всех событий и осторожно давал советы, как мне лучше поступить в тех или иных ситуациях моей параллельной жизни. Главным образом по службе.

Марата Аидовича я почти не видел. Однажды он зашел, чтобы рассказать о взаимодействии моей реальной личности и личности Игоря из мира Б-2. Как я и догадывался, Игорь не подозревал о моем существовании и не слышал редких команд Сергея Сергеевича. Во время моего вселения он испытывал лишь некий подъем энергии. Однако Вера, как мне казалось, чувствовала время моего появления. И я тешил себя надеждами, что любит она не Игоря, а именно меня.

Благодаря покровительству Веры мне удалось сделать неплохую карьеру. Я стал капитаном гвардии, которая охраняла Директорат объединенной российской монополии — высший исполнительный и законодательный орган параллельной России, во главе которого стояли анонимные директора. Одним из этих директоров был муж Веры.

То ли для прикрытия, то ли по зову сердца он держал тайский бордель на окраине отстроенного из стекла и бетона Иваново. С Верой мы встречались в специально купленной для этой цели квартире в небоскребе на улице Богдана Хмельницкого.

В это трудно поверить, но я достаточно быстро свыкся с такой

странной жизнью и каждый раз с нетерпением ждал погружения. Я искренне любил Веру. Может быть, не только как женщину, но и как мать. Видимо, сказывалось детдомовское детство и подсознательное желание найти родную душу.

Со временем меня перестало смущать, что Сергей Сергеевич видит всю мою параллельную жизнь изнутри — в происходящее он почти не вмешивался. И только однажды у нас случился крупный конфликт.

Как–то раз, когда Вера принимала душ, Сергеич неожиданно материализовался и резко скомандовал, чтоб я открыл ее сумку, взял оттуда пластиковый магнитный пропуск и передал его человеку, который ждет за дверью. Я сделал, как он сказал, человек на лестнице велел подождать минуту, спустился на пару пролетов, вернулся и отдал мне ключ.

После этого случая Игорь заподозрил, что у него не все в порядке с головой. Он никак не мог понять (команд Сергеича он, конечно же, не слышал), почему и, главное, зачем он совершил такой дикий и спонтанный поступок — дал скопировать ключ Веры неизвестным людям. И как такое могло произойти.

Я же понял, что в этой реальности действует еще кто–то из нашего мира, и мне это очень не понравилось.

После всплытия я довольно резко попытался объясниться со штурманом — что это было и для чего. Он демонстративно молчал, но при следующем погружении я неожиданно во второй раз в жизни ненадолго оказался в разрушенном ядерными бомбардировками мире Б-1.

— Это тебе дисциплинарное взыскание, товарищ лейтенант Сергей Жеребов, чтоб знал, за что сражаемся и что хотим предотвратить, — сухо прокомментировал затем эту ситуацию наш замполит Иван Иванович.

Доверие к Сергею Сергеичу было потеряно, однако я был уверен, что мои погружения продолжатся. Я знал, что генералу и людям, которых он представляет, нужны секретные сведения, а я имел доступ в гвардии Директората — многих я видел в лицо и часто слышал их разговоры в огромном бункере, расположенном поблизости от Иваново. Однако все сложилось совсем по–другому.

***

Осложнения начались, когда Игорь решил прибегнуть к медицинской помощи. Наверное, каждый время от времени, совершая совершенно несвойственные для себя спонтанные

поступки, чувствует что–то странное. Будто неведомая сила заставила его выкинуть странный финт. С Игорем это происходило все чаще и чаще, наконец он решил показаться врачу.

Под видом отставного военного он обратился к частному психоаналитку с богатой психиатрической практикой. После третьего сеанса врач вынес диагноз — множественное расстройство личности, а так как по каналам Сергея Сергеевича было известно, что этот докторишка помимо частной практики состоит нештатным агентом в тайной службе защиты Директората, судьба Игоря, как и моя собственная, была предопределена. Рано или поздно в охране Директората стало бы известно, что один из гвардейцев совсем не дружит с головой. У нашей ментальной части осталось совсем мало времени для использования Игоря. Впрочем, обо всем этом я узнал, когда все уже кончилось.

Как–то раз я дежурил в мире Б-3 на посту контроля у входа для посетителей в главное здание Директората. За пять минут до конца смены в моей голове заговорил веселый голос главного штурмана: «Сними с ленты кейс и поменяй его на свой». В то же мгновение я проворно подхватил выезжающий из аппарата для сканирования багажа ленты небольшой дипломат и незаметно поменял его на свой. Надо ли говорить, что свой дипломат я купил пару дней назад по указанию Сергея Сергеевича, причем случилось это как раз перед моим последним походом к психоаналитику.

Это погружение оказалось заключительным. В тот день я даже не встретился с Верой.

Спустя пару месяцев то ли в шутку, то всерьез Сергеевич предлагал мне переместиться в мир Б-3 прямо на суд над Игорем. Процесс был закрытым. Несмотря на показания психиатра и всю тщетность попыток следователей установить, кому именно Игорь передал кейс с секретными документами, кстати, отдал я их по указанию Сергеича в парке у своего дома молодой подвыпившей паре, Игоря признали вменяемым и присудили пожизненно за измену Родине.

После всего этого мое нахождение в части потеряло всякий смысл. Начальство со мной практически не общалось, и я целыми днями валялся на кровати, периодически пробуждаясь, чтобы съездить за пивом.

Продолжалось это несколько недель, пока утром знакомый мне морпех с силой не заволок меня под холодный душ. После такого бодрящего полоскания он привел меня к Ивану Ивановичу.

— Поздравляю, — сказал Иван Иванович. — Вышестоящее

командование признало твою миссию завершенной. Теперь ты считаешься законсервированным подводником и можешь быть свободным.

— Куда же я пойду? — спросил я.

То ли от длительного пьянства, то ли от неожиданности услышанного у меня было чувство, что все происходит вовсе не со мной.

— Дурак, перед тобой все дороги открыты, а ты не знаешь, куда идти, — ответил Иван Иванович и достал из ящика стола конверт. — Тут карточка, пин–код — четыре восьмерки. На твоем бы месте я бы эту сумму разбил на множество частей и открыл бы кучу вкладов в разных банках по 700 тысяч. Говорят, что на эту сумму вклады государством застрахованы. На одни только проценты припеваючи жить можно. Хотя ты молодой, хочешь, отель купи или заправку там. В общем, советую бизнесом заняться.

Когда я уходил, меня никто не провожал, но мне вовсе не было обидно. От контрольно–пропускного пункта до станции через лес вела асфальтированная дорожка, вдоль которой через каждые двадцать–тридцать метров стояли ржавые фонари с разбитыми плафонами. Глядя на них, я подумал, что если научиться видеть в темноте, вовсе не обязательно ходить по освещенным дорогам.